

Сапоги Карла Маркса

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С19

С19 Сапоги Карла Маркса / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-517-97821-9

ISBN 978-5-517-97821-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Случайно ко мнѣ въ руки попали документы, характеризующіе нашу учащуюся молодежь. Они показались мнѣ столь интересными, что я рѣшилъ ихъ напечатать.

Я ничего не прибавлялъ, ничего не вычеркивалъ, ничего не передѣлывалъ—заслуга моя исключительно заключается въ изданіи.

Предлежащая книжка раздѣляется на четыре части:

1. Мемуары курсистки — Лидіи Александровны Платоновой.

2. Дневникъ студента—Ивана Ивановича Верхоглядова.

3. Письмо Ивана Ивановича къ Лидіи Александровнѣ.

4. Письмо студента Глубокодумова къ своему пріятелю.

Я конечно не счелъ себя въ правѣ сохранить истинныя имена и фамиліи.

А. Трика.

Исторія перебуванія сапоговъ Карла Маркса въ N—скомъ землячествѣ.

(Мемуары Лидіи Александровны Платоновой).

Я только два года тому назадъ кончила N-скую гимназію, но вы не повѣрите, какимъ далекимъ кажется мнѣ это время. Я 'сильно, очень сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ.

Въ какихъ нибудь два года я приобрѣла ужасно много знаній, мое міросозерцаніе расширилось, нравственные устои окрѣпли, и вотъ скоро будетъ годъ, какъ я сдѣлалась убѣжденной марксисткой. На насъ, курсистокъ, часто клеветуютъ, увѣряя, что мы ходимъ на помочахъ у студентовъ, лишь для виду и рекламы интересуемся серьезными вопросами, а на дѣлѣ такъ и нарвемъ выскочить замужъ.

Такіе толки возбуждаютъ во мнѣ лишь презрѣніе. Я интересуюсь: знаніемъ, пониманіемъ, а также и дѣломъ. Хожу на лекціи и, должна сознаться, что это мнѣ доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ изученіе предмета по книжкѣ.

Политической экономіей я заинтересовалась на засѣданіяхъ вольно-экономическаго общества, куда свель меня Иванъ Ивановичъ (очень умный человекъ—студентъ университета).

Какъ я была поражена! Я была въ восторгѣ, я никогда не представляла себѣ, чтобы чиновники открыто, официально могли высказывать такія свободныя сужденія! Такъ, напримѣръ, меня глубоко поразили и на-вѣки запечатлѣлись въ моеѣ памяти слова одного почтеннаго старичка, гордо и молодежато сказавшаго: «Всякое управленіе должно основываться на законности». До тѣхъ поръ я никогда не слыхала этого положенія. Я готова была расцѣловать этого милаго старичка.

Оппонировавшій ему экономистъ тоже не ударилъ лицомъ въ грязь—онъ съ жаромъ и запальчивостью воскликнулъ: «Благо общества никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду при правительственныхъ мѣропріятіяхъ». Я изумилась, что ему позволено было продолжать свою смѣлую рѣчь. Его безстрашіе было награждено громомъ аплодисментовъ. Иванъ Ивановичъ здорово старался.

Вотъ еще не забыть мнѣ того оживленія, которое царствовало въ вольно-экономическомъ обществѣ во время споровъ изъ-за низкихъ и высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Я тогда не совсѣмъ

еще хорошо была знакома съ политической экономіей, такъ что многое отъ меня ускользнуло. Но суть-то я все-таки поняла изъ словъ Ивана Ивановича и удивляюсь, какъ можно было такъ долго спорить о такой простой вещи! Видите ли, народники говорятъ, что мужикъ, какъ и всякій человѣкъ, тоже ѣсть хлѣбъ, слѣдовательно и для него низкія цѣны на хлѣбъ выгодны.

Но они очень многое упускаютъ изъ виду—марксисты смотрятъ на вопросъ съ болѣе широкой точки зрѣнія. Ихъ доводы Иванъ Ивановичъ формулировалъ такъ: «мужикъ, какъ и всякій производитель, продаетъ свой товаръ—слѣдовательно, для него выгодны высокія цѣны.

Впрочемъ, я часто замѣчала, что люди, изъ-за пустяковъ, поднимаютъ цѣлыя исторіи. Иванъ Ивановичъ того же мнѣнія (надо вамъ сказать, что онъ убѣжденный марксистъ—мы оба поклонники Тугана-Барановскаго и Струве и всегда имъ аплодируемъ).

Впрочемъ все, что я до сихъ поръ говорила, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ тому, что я хотѣла рассказать—но я не могла (разъ ужъ взялась за перо) не сказать нѣсколько словъ въ защиту курсистокъ.

Думаютъ, что мы только поверхностно, или, какъ еще говорятъ, изъ бабьяго любопытства,

интересуемся науками, что мы не можемъ серьезно отдаться наукѣ. Между тѣмъ это ложь, наглая ложь! У меня есть пріятельница, страстно погруженная въ занятія. Ужасно начитавшая — она иногда спорила даже съ Глубокодумовымъ.

Когда я ей какъ-то сказала, что она хорошенькая и что въ нее легко влюбиться, она на меня страшно разсердилась и сказала, что она никогда, никогда не выйдетъ замужъ!

Я ей объяснила, что и я не выйду замужъ. Она меня обняла и горячо поцѣловала.

Ахъ! Я опять заболталась, но теперь ужъ не буду отступать отъ темы и расскажу все, какъ слѣдуетъ по порядку — постепенно и последовательно!

Мѣстомъ дѣйствія была комната Насти Утробинной. Понемногу собирались земляки — въ этотъ день у нея было клубное собраніе. Но надо вамъ объяснить, что мы понимаемъ подъ этимъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ 15 земляковъ и землячекъ рѣшили устроить клубъ — но не подумайте, что якобинскій или хотя бы англійскій! О, нѣтъ! Настоящій русскій клубъ — политика изгнана была вовсе, оставлено немножко философіи и политической экономіи, за то было всегда много земляческихъ сплетень, игръ и веселья.

Часамъ къ 8 пришелъ Иванъ Ивановичъ, подошелъ ко мнѣ и, послѣ обычныхъ вопросовъ, принялся объяснять, что такое «классъ». Иванъ Ивановичъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ объяснять всѣ вещи просто—такъ и относительно этого предмета—я мигомъ поняла, что такое «классъ».

Въ это время пришелъ нашъ землякъ всѣмъ извѣстный Глубокодумовъ. Это непостижимо странный субъектъ. Его считаютъ даже умнѣе Ивана Ивановича.

Глубокодумовъ, по своему обыкновенію, снявъ галоши, повѣсилъ ихъ на вѣшалку, но къ нашему удивленію оказалось, что онъ пришелъ только въ одной галошѣ. Настя принялась расспрашивать, гдѣ онъ оставилъ другую.

Глубокодумовъ мрачно отвѣтилъ изъ-за своихъ черепаховыхъ очковъ: «Поссорился съ коночнымъ кондукторомъ и запустилъ въ него галошей». Затѣмъ, усѣвшись за столъ, онъ мрачно, но энергично принялся пить чай.

Вообще онъ пользуется большой популярностью: носить синюю рубашку, высокіе сапоги, его длинные, пушистые, каштановые волосы образуютъ ореолъ вокругъ головы, крупныя черты лица и черепаховые очки дѣлаютъ его наружность внушительной; кромѣ того онъ человѣкъ начитанный и большой знатокъ

Маркса — про него рассказывают, что онъ 12 разъ прочиталъ «Капиталъ» и знаетъ его вдоль и поперекъ.

По его приходѣ всѣ замолчали, когда же онъ выпилъ пятый стаканъ, Настя и Оля (онѣ вѣчно суются впередъ) попросили его разъяснить намъ, что такое «классъ съ экономической точки зрѣнія».

Онъ налилъ себѣ шестой стаканъ, выпилъ его и сказалъ: «Гмъ!.. канальство!» и прошелся широкими, тяжелыми шагами по комнатѣ, потомъ остановился у печки и началъ мрачнымъ, замогильнымъ голосомъ излагать взглядъ Маркса на то, что такое классъ съ экономической точки зрѣнія.

Должна сознаться, что Глубокодумовъ производитъ на меня тяжелое впечатлѣніе—я признаю въ немъ глубину мысли, даже научный талантъ, но его изложеніе — если бы я не боялась оскорбить Маркса, я бы сравнила его рѣчь съ «Zür Kritik der Politischen Ökonomie».

Его тяжелая и тягучая фразеологія такъ на меня подѣйствовала, что я перестала что бы то ни было, понимать въ вопросѣ о классѣ, а между тѣмъ въ изложеніи Ивана Ивановича я все прекрасно поняла.

Я всегда задавала себѣ вопросъ: «почему это на Ивана Ивановича такъ мало обращаютъ

вниманія?» Отчасти я это могу объяснить тѣмъ, что онъ по внѣшнему виду не представляетъ собой ничего загадочнаго и страннаго — носить форменную тужурку и брюки, волосы короткіе, борода приличная, безъ очковъ—вообще наружность довольно обыкновенная, но зато въ тонкихъ чертахъ его лица сквозитъ столько ума!.. Во вторыхъ я думаю, что отчасти я лично тутъ виновата—онъ ужъ слишкомъ ясно высказываетъ мнѣ предпочтеніе — это конечно отталкиваетъ отъ него другихъ курсистокъ...

Я перестала слушать Глубокодумова и занялась наблюденіями надъ публикой. У Кати лицо неподвижно напряженное, глаза выпучены и устремлены въ ротъ Глубокодумову, у Насти ужасно унылый видъ, Оля опустила глаза и очевидно о чемъ то задумалась...

Но тутъ мои наблюденія прервалъ приходъ Веркблея.

Веркблей пользовался у насъ славой на-смѣшника, его не любили, но отчасти боялись. Подъ мышкой онъ принесъ какой то свертокъ и положилъ его на столъ.

Маня Котикова сейчасъ же протянула руку къ свертку, но Веркблей скорчилъ грозную мину и сказалъ придавленнымъ голосомъ — «динамитъ!»

Маня отдернула руку. Мы столпились кругомъ. Веркблей снялъ пальто, подошелъ къ столу и развернулъ свертокъ и представьте себѣ наше удивленіе — тамъ были громадные рыжіе сапоги.

Мы расхохотались, но Веркблей нахмурилъ брови и внушительно сказалъ: «Чему смѣетесь милочки?! Вѣдь это сапоги Маркса! Одинъ истинный Марксистъ съ опасностью для собственной жизни перевезъ контрабандой эти сапоги черезъ границу (онъ только что вернулся изъ Лондона). Онъ хочетъ помѣстить ихъ въ благонадежное мѣсто — гдѣ бы ихъ хранили и обращались съ ними, какъ слѣдуетъ...

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . . Это реликвія — въ нѣ-
которомъ родѣ часть нашего великаго, незаб-
веннаго учителя. . . . .

. . . . .
. . . . .
. . . . .

. . . при этомъ онъ обвелъ насъ грознымъ взглядомъ.

Мы были поражены и обрадованы. Мы были въ восторгѣ, что зримъ передъ собой сапоги